

Е. Ю. ПРОТАСОВА

г. Хельсинки, Финляндия

ekaterina.protassova@helsinki.fi

УДК 821.161.1-31(Яхина Г.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕЧИ В РОМАНЕ «ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД» Г. ЯХИНОЙ

Аннотация. В статье рассматриваются явления, связанные с многоголосицей художественного текста, на примере романа Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд». Анализируется языковая полифония, служащая базой для художественного метода автора, позволяющая отразить актуальную лингвистическую ситуацию эпохи начала 1920-х гг. в СССР и особенности вербального взаимодействия людей друг с другом. Выделяются высказывания, описывающие феномены языка, речи и коммуникации, показывающие осознанное или бессознательное отношение персонажей к тому, как они говорят, в частности, даются примеры просторечия, бранной лексики, региолектов, идиолектов, жаргонизмов и аргю. Систематизируются случаи переключения кода как внутри одного идиома, так и между разными идиомами, а также транслингвальные практики, выражающиеся в использовании разных по происхождению лексем и выражений в одном высказывании. Делается вывод о глубоко продуманной автором картине общения внутри разнородного населения.

Ключевые слова: транслингвизм, языковые контакты, рефлексия над языком, иная речь, инаковость в языке, многоязычие, полифония, разговорная речь, речевая деятельность, художественные тексты, русская литература, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, романы.

PROTASSOVA EKATERINA

Helsinki, Finland

ekaterina.protassova@helsinki.fi

REFLECTIONS ON THE SPEECH IN THE NOVEL “TRAIN TO SAMARKAND” BY G. YAKHINA

Abstract. The article deals with the phenomenon of multiple voices in a literary text taking G. Yakhina’s novel “Echelon to Samarkand” as an example. It examines the linguistic polyphony that serves as the author’s

artistic method, allowing her to reflect on the linguistic situation in the USSR in the early 1920s and to discern features of mutual verbal interaction of people from different linguistic backgrounds. The study emphasizes statements about the phenomena of language, speech, and communication, as well as shows the characters' conscious or unconscious attitudes through the way they speak, unfolding examples of vernacular, swear words, regiolects, idiolects, jargon, and slang. Cases of code switching, both within and between languages, are systematized, as are translingual practices manifested by the use of lexemes and expressions of different origin in one utterance. The conclusion concerns the way how the author carefully describes communication within the heterogeneous population.

Keywords: translingualism, language contact, reflection on language, alien speech, otherness in language, multilingualism, polyphony

В сознании автора художественного текста переплетаются голоса различных персонажей. Эти идеи были многократно высказаны М. М. Бахтиным и его последователями. Опыт описания речевой многоголосицы зависит от коммуникативного опыта писателя, его собственной лингвистической компетентности и способности использовать многообразные источники. В случае создания исторически документированного романа следует доверять полученному его создателем образованию, заставляющему опираться на проверенные источники.

Гузель Яхина, автор трех весьма популярных романов, обычно пишет о языковых и культурных группах внутри России. Это очень важное свидетельство: в языковом плане страна не однородна, об этом говорят редко, нечасто показывают исторические события глазами представителей разных слоев населения. Последнее произведение Яхиной – роман «Эшелон на Самарканд» [Яхина 2021] – критиковали с точки зрения достоверности и использования источников [Бобров 2021], рассматривали в русле традиций русской классической литературы [Гайнетдинова 2021], с точки зрения поэтики [Стадник, Юрьева 2021] и стилистики [Копытова, Сироткина 2021]. Вообще же произведения Яхиной много исследуются в литературоведении.

Нас интересует другой аспект творчества этой писательницы, а именно то, как она умеет передать инаковость голоса персонажа, как использует лингвистический материал для решения

своих художественных задач. Такой метод нередко называют исследованием транслингвальности, транслитературности, транскультурности, переключения кода и контактной литературы [Кремер 2014, Лупачева 2020, Hansenetal. 2013]. Имеется в виду, что мышление, обусловленное использованием того или иного языка, влияет на то, как человек говорит на других идиомах, как он видит мир, что способен сказать о нем. Ученые могут рассматривать различные направления, в которых проявляется столкновение языков и культур, в частности, когда речь идет о постсоветском пространстве, о зарубежном мигрантском тексте, о творчестве писателей, для которых используемый язык не был первым по времени усвоения [Бахтикиреева 2015, Валикова 2018, Кравцов с соавт. 2020, Лебедева, Лупачева 2019]. Таких людей становится все больше, и отражение этой позиции в художественной литературе оказывается прямым следствием расширения горизонтов каждой отдельной личности. Мир более разнообразен, чем кажется, и всегда был таким. Наиболее широко эти явления исследованы для англоязычных текстов, но появляются и иные работы [Pahtaetal 2018, You 2016]. Степень осознания человеком своих речевых практик может варьировать. Личность автора имеет при таком подходе достаточно большое значение, прежде всего потому, что тот, кто вырос в многонациональной и многокультурной обстановке, видит возможность сосуществования и взаимного обогащения языков и культур там, где другие этого не замечают. И Гузель Яхина – именно такая писательница.

Современный художественный текст создается авторами гораздо более подготовленными, рефлексирющими по поводу применяемых методов и приемов, помещаемых в глобальную структуру памяти о прошлом. В «Комментариях автора», завершающих книгу, Яхина перечисляет подлинные источники реплик персонажей и их речевых характеристик. В частности, особого внимания удостоился перечень детских имен, для создания которого потребовалось обратиться, помимо просторечия, фольклора и блатной фени, к архивам 1920-х гг., к татарскому, узбекскому, киргизскому и иным тюркским языкам. Это важный слой в самосознании автора. В тексте отмечается, что в прозви-

щах детей, которые также легко придумываются, отражается Поволжье – и мелкие деревни, и уездные города; история жизни, болезней, семьи, языка, привычек и других особенностей личности. Клички подробно классифицируются в нескольких местах в книге. Заключительные пояснения даны по главам, но на самом деле интересных выражений больше, чем там приводится. Заметим, что все главы книги названы словами, имеющими отношение к счету, а главной идеей начальника эшелона Деева является желание довести как можно больше голодающих и беспризорных детей до самаркандского детского дома – в идеале пять сотен. Некоторые пояснения даются постранично (как к словам *избоина*, *бус*), а некоторые даются без пояснений (как *пришабрить востовой клапан*, *флеминговская жидкость*). Иногда сопровождающее толкование приводится в тексте, например, что *мамó* или «священный огонь» – это сибирская язва.

Подслушивая разговоры эвакуированных, мы убеждаемся, что они много что видели и знают, что тут используется изобилие поговорок, отсылок к церковному языку, знание зарубежных кинофильмов и советских реалий – как сказано в тексте, это босяцкий жаргон и революционная лексика, а в другом месте: язык «улиц и свалок, разбойничьих шалманов и церковных общин». Иногда носителями определенного подвида речи постоянно является один человек, иногда – группа людей, а временами у одного и того же персонажа чередуются разные стили высказываний. Нет прямой зависимости между идиолектом и манерой поведения, но сквозит авторская убежденность в том, что владеть многими языками и функциональными стилями речи – хорошо.

Постоянно подчеркивается, что состав людей многонационален (в разных местах книги упоминаются башкиры (и *башкурт*), чуваша, черемисы, мордва, вотяки / удмурты, марийцы, сибиряки, малороссы, грузины, калмыки, алтайцы, греки, представители российского севера. Некоторые не говорят по-русски, а некоторые обучаются речи здесь, в поезде, во время путешествия. Они происходят из разных слоев населения, прошли через своеобразные жизненные испытания. Свой поезд называют *гирляндой* за разномастность вагонов, а также *Ноевым ковчегом* за раз-

нообразии обитателей. Ника немец происходит из германских колоний под Саратовом, не может рассказать о себе, не владея русским, но Яхина поясняет, что «слова *Saratow* и *Wolga* на всех языках звучали одинаково», что, конечно, преувеличение, т. к. немецкое произношение этих слов иное, чем русское. Среди социальных сестер – татарская княжна, ихтиолог, учившаяся в Цюрихе, владеющая татарским, русским, арабским, французским, немецким, древнегреческим. Сестер распределяют по вагонам так, чтобы кто-то из пары мог говорить и на другом языке, чем русский. Комиссар поезда Белая владела жаргоном до описываемой поездки, но постепенно ему обучился и Деев. Он начинает использовать слова *сторговать*, *намылиться*, *накапать бибики с салом*, *прижать уши к макушке*, *загибать салазки*, *шпарить*, *нарезать винта* и т. п., причем он сам не понимает, откуда «все эти слова на язык свалились».

Изредка встречаются чужеземные надписи, например, вместо одеяла один ребенок использует мешок со словами “*CoffeedeCostaRica*”, и наблюдать их на советской детворе Дееву неловко. В лазарет приносят человеческий череп с иноземной этикеткой “*Boeninger-Apotheke. Hamburg*”. Таким образом поезд становится не только ездой в будущее, надеждой на хороший конец, но и складом прошлого, где встречалось всякое. Это и походная церковь, и экспроприированные вещи, и подарки от казаков, и случайно собранные люди с иным прошлым, отличающиеся друг от друга.

Использование особой речи свойственно не только эшелону, но и, скажем, агитбригаде, которая исполняет в каждом вагоне песенку из придуманных слов: «Крам-бам-були! Юшки-вьюшки! Веревьяны, веревью!.. Синтерьетор! Извинотор! Байбаюта и та-та!» [там же: 274]. На вольном ветру дети горланят частушки и скабрзные песни. Писательница вообще не пренебрегает использованием звукоподражаний, которые рассыпаны по всему повествованию.

Провести вместе с героями почти два месяца – значит погрузиться в атмосферу, где человеческая жизнь, с одной стороны, почти ничего не стоит, с другой – становится движущим механизмом травелога, где главное – достичь цели и спасти 500 де-

тей. Спасенные – это капля в море бездомности, голода, отсутствия нормальных жизненных условий. Автор часто защищается от напастей рядами всевозможных номинаций: именами людей, перечислением дел и событий, названиями трав, лекарств, перечнями съедобных и несъедобных, добытых, потерянных или экспроприированных вещей, населенных пунктов, высказываний.

В книге используются ряды обозначений, например, при перечислении наркотиков (*марафет, кокс, антрацит, кикер, мура, нюхара, мел, сода*), при указании на правила поведения дома (*не воруют, не срут под лавку, не бьют окна, не мажут углем потолок* и т. п.), при наименовании унижений (*пить грязь или мочу, лизать чужие ноги, ноченька, верти-вол*). Применяются сокращения – признак речи того времени: *деткомиссия, детотдел, голдети, дезокамера, дезобак, исправдом, домзак* (дом заключения), *эвакопоезд*. Сегодня многие термины того времени непонятны, как *реформаторий, трудовой дом, арестный дом, вагон-приемник*. Указывается, что детский дом и школа им. К. Маркса назывались Домом Кырлы-Мырлы. Подчеркивается, что у детей множество синонимов, например, чтобы сказать, что кто-то врет или обманывает: *тискать, клеить, торговать, лечить, чесать, клепать, бусить, лохматить бабушку, трындеть, баянить, подпускать турусы, пускать жука, гонять базло, лимонить, лестить, отливать, бакулить, полы-гать, алдашить, ондалашить, гнуть байду, выкрутить, вымазать*, и это не полный список. То же касается обозначения неудачи. Дети нарочно изобретают разные названия для места, где раздают кипяток, для своих рубах, кухни, кружек, вагонов. Яхина обращает внимание на то, что в поисках наиболее приемлемого и точного термина дети долго обсуждают варианты, спорят, не соглашаясь на обычное или недостаточно подходящее слово.

Пестрому и причудливому языку эшелона посвящена специальная подглавка. «А уж выплестать ребята умели! Привычные к вольной жизни, дети и с языком обходились вполне вольно – нещадно коверкали грамматику, оборачивали предложения в диковинные конструкции. Угроза, к примеру, могла звучать так: *уж я-то его научу уму насчет картошки дров поджарить!* А

могла так: *бутыскну валявку уменьше количества на ляд с маганей!*» [Яхина 2021: 252]. Иногда слова упрощаются и обрезаются. Запретной темой для словотворчества оказывается еда, в разговорах о которой маленькие пассажиры эшелона проявляют себя знатоками, не только зная буквально все о простой и сложной кухнях, но и о способах подачи и комбинирования блюд. Яхина отмечает, что отношение детей к языку было собственническим, как к богатству, родине и памяти, поскольку ничем больше они не владели. Они старались подцепить и сохранить новое и не делились речью с взрослыми. «Язык нельзя было потерять в скитаниях. Его не могли отобрать горлохваты постарше или свистнуть ночные воры. Язык не снашивался, как башмаки, и не вшивел, как исподнее, а с каждым днем становился только богаче и ярче. Поддавался и подчинялся хозяину. А главное – не предавал, всегда оставаясь рядом» [Яхина 2021: 254]. Задумав брачные церемонии (чтобы подкрепить дружбу в паре), дети также совершают обряды, а потом мальчики называют своих девочек *моя*, а девочки их – *муж*.

Один из лейтмотивов повествования – взаимопонимание людей. Когда Фатима поет колыбельную на татарском, ее понимают все. Дети, говорящие на разных языках, не смущаются этим и заимствуют способы выражения друг у друга. Ради подкрепления отношений они вырабатывали обряды и ритуалы, связанные с жестами и сопровождающими их словами, построенные на приманивании удачи (*фарта, везухи, прухи*) и отпугивании неудачи, а также в целях утверждения единства собственного коллектива, совершения сделок, приветствий и прощаний и т. д. Любое сообщество, особенно детское, составляет свои традиции, в том числе и вербальные, которые скрепляют коллектив и устанавливают правила поведения внутри него.

Среди путешественников существует вера в магию слов. Рассуждают о слухах, в частности о железнодорожном составе, наполненном продуктами, которые раздадут тем, кто «согласится выучить на американском языке длинную считалку и произнести три раза подряд не сбившись, стоя на одной ноге и ни разу при этом не сморгнув. А считалка та не просто тарабарщина – клятва верности американскому королю». Чужой язык завора-

живает. Придумывание новых слов и легенд – занятие, которому можно предаваться, когда нет других дел, которое заполняет пустоту ничегонеделания.

Дети очень любят рифмы. Рифмованными ответами они встречают Деева в казанском детприемнике, причем с самого начала ясно, что у них богатый лексикон (*Куда же вы? – На кудыкину гору; по кривому забору; посмотреть на обжору; или выпить кагору; или слопать рокфору* и т. п.). Потом то же повторяется и в пути, и те, кто лучше рифмует, пользуются особым авторитетом. Получаются то простые частушки, то более сложные магические заклинания, как будто бы приручая окружающее через ритмические строчки. Надо сказать, что детям читают стихи Лермонтова и приключенческие книги, случайно оказавшиеся в поезде. Не понимая многих слов, слушатели наслаждаются удивительными сочетаниями звуков, ритмом и рифмами. Подобно этому, взрослым людям с русским происхождением имена чувашских деревень кажутся *заковыристыми*.

Революция и гражданская война оставили неизгладимый след на жизни бездомных детей. Яхина постоянно подчеркивает, что беспризорников невообразимое количество. Сирот стало много и после свирепствовавшего в Поволжье голода. Естественно, что у детей есть воровские профессии: занимаются *марафоном* (подбирают мелочь на трамвайных остановках), *шарапом* (открыто воруют на рынках), становятся *могильщиками* (собирают вещи на кладбищах). Среди них есть картежники, а другие *проигрываются на чистуху*, могут *лизнуть* (выпить), любят *откусывать* (выпрашивать остатки еды в буфете), *форсить*, *филонить*.

Проезжая через разнообразные в языковом отношении земли, эвакуированные встречаются с удивительными названиями, например, в пустыне видят надписи на полустанках русскими буквами: *Чумыш, Карамышлы-Баш, Каракуус, Бай-Хожя, Тюра-Там, хорхут, Бик-Баули, Джусалы, Чили* – многие из которых ассоциируются с оноματοпеями, связанными с местными реалиями. Когда Деев оказывается в степи, то вспоминается слово *байрак* (сухой неглубокий овраг), когда в пустыне – то *такыр*

(глиняное поле), а когда он в плену, то из глубин памяти появляется слово *зиндан* (подземная тюрьма в Средней Азии).

В целом можно сказать, что в этом романе сделана попытка воспроизвести разговорную речь 1920-х годов, включив в ткань романа различные пласты лексики, не всегда понятной современному читателю. Чтобы читатель мог разобраться в словах, найти подтверждение своей догадке о значении прозвища или разочароваться в своей гипотезе, в конце книги как раз и приводится словник, неполный по отношению к тексту. Поскольку читатель верит, что почти все клички и многие элементы сюжета основаны на подлинных документах и событиях, он может быть благодарным писательнице за проделанную работу, за интерес к сочным выражениям, за умение выбирать и предоставлять аудитории ценные в исторической перспективе материалы. Яхина и сама заворожена красотой устаревших фразеологизмов, звучащих иначе слов и вербальной изобретательностью описываемых ею героев. Создавая картину речи чужого времени и иной среды, отдельности коллектива людей, плывущего по рельсам на юг, автор сопровождает это движение особой словесной массой, адекватной смешению обстоятельств и судеб прототипов.

Литература

Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 94–99.

Бобров А.А. Новые медиа как зеркало антикультуры // IV Моисеевские чтения. Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. М., 2021. С. 266–271.

Валикова О.А. Прецедентные феномены в транслингвальном художественном тексте // Русский язык за рубежом. 2018. № 2 (267). С. 57–64.

Гайнетдинова Л.И. Традиция Ф.М. Достоевского в произведениях Г. Яхиной: прием «болевого воздействия» (рецептивный аспект) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2021. № 3 (60). С. 242–245.

Копытова Е., Сироткина Т. Сравнения в прозе Гузель Яхиной // Материалы Международной научной конференции. Отв. редактор Е.Н. Орехова. М., 2021. С. 281–284.

Кравцов С.М., Черноситова Т.Л., Максимец С.В. Способы создания метафоры в транслингвальном тексте (на материале франкоязычных художественных произведений) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2020. № 2 (46). С. 87–96.

Креммер Е.Н. Художественный билингвизм и транслингвизм – русскоязычие (библиографический обзор) // Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (49). С. 61–67.

Лебедева Е.С., Луначева Т.А. Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингвов // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 347–357.

Луначева Т.А. Транслингвальная личность автора и возможность ее сохранения при переводе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6–2. С. 269–272.

Стадник Д.Р., Юрьева М.В. Поэтика романа Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд» // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2021. С. 309–311.

Яхина Г.Ш. Эшелон на Самарканд. М., 2021.

Hansen J., Nordin I.G., Zamorano Llena C. Transcultural Identities in Contemporary Literature. Amsterdam, 2013.

Pahta P., Skaffari J., Wright L. (eds.) Multilingual Practices in Language History: English and Beyond. Boston, 2018.

You X. Cosmopolitan English and transliteracy. Carbondale, 2016.

REFERENCES

Bahtikireeva U.M. Russkoyazychie kak aktual'naya mezhdisciplinarnaya problema // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2015. № 1 (45). S. 94–99.

Bobrov A.A. Novye media kak zerkalo antikul'tury // IV Moiseevskie chteniya. Doklady i materialy Obshcherossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii. M., 2021. S. 266–271.

Valikova O.A. Precedentnye fenomeny v translingval'nom hudozhestvennom tekste // Russkij yazyk za rubezhom. 2018. № 2 (267). S. 57–64.

Gajnetdinova L.I. Tradiciya F.M. Dostoevskogo v proizvedeniyah G. YAhinoj: priem «bolevogo vozdejstviya» (receptivnyj aspekt) // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. 2021. № 3 (60). S. 242–245.

Kopytova E., Sirotkina T. Sravneniya v proze Guzel' YAhinoj // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Otv. redaktor E.N. Orekhova. M., 2021. S. 281–284.

Kravcov S.M., Chernositova T.L., Maksimec S.V. Sposoby sozdaniya metaboly v translingval'nom tekste (na materiale frankoyazychnyh hudozhestvennyh proizvedenij) // *Sovremennye lingvisticheskie i metodikodidakticheskie issledovaniya*. 2020. № 2 (46). S. 87–96.

Kremer E.N. Hudozhestvennyj bilingvizm i translingvizm – russkoyazychie (bibliograficheskij obzor) // *Gumanitarnye issledovaniya*. 2014. № 1 (49). S. 61–67.

Lebedeva E.S., Lupacheva T.A. Sravnitel'nyj analiz lingvostilisticheskikh osobennostej tvorchestva pisatelej-translingvov // *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki*. 2019. T. 16. № 3. S. 347–357.

Lupacheva T.A. Translingval'naya lichnost' avtora i vozmozhnost' ee sohraneniya pri perevode // *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. 2020. № 6–2. S. 269–272.

Stadnik D.R., YUr'eva M.V. Poetika romana G. YAhinoj «Eshelon na Samarkand» // *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2021. S. 309–311.

YAhina G.SH. *Eshelon na Samarkand*. M., 2021.

Hansen J., Nordin I.G., Zamorano LlenaC. *Transcultural Identities in Contemporary Literature*. Amsterdam, 2013.

Pahta P., Skaffari J., Wright L. (eds.) *Multilingual Practices in Language History: English and Beyond*. Boston, 2018.

You X. *Cosmopolitan English and transliteracy*. Carbondale, 2016.

©Протасова Е.Ю., 2022

Протасова Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, доцент Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия).

Адрес: 00660, Финляндия, г. Хельсинки, Unioninkatu, 33В.

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Protassova Ekaterina – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the University of Helsinki (Helsinki, Finland).